

Б.В. Грачев

Эссенциальные характеристики Большой Евразии

Bogdan V. Grachev

Essential characteristics of Greater Eurasia

Статья посвящена определению сущностных основ идеи Большой Евразии, проблеме концептуализации ключевого понятия. В работе показано, почему политологические и экономические исследования Большой Евразии вынуждены прибегать к философскому инструментарию. Объединение больших пространств на протяжении человеческой истории происходило по одной из трех моделей: империя, военный или политический союз, интеграционное объединение. Существенное внимание в работе уделено развенчанию популярного в научной среде мифа о том, что концепцию Большой Евразии можно считать интеграционной. Для реализации этой цели выделяются параметры интеграционного взаимодействия, проводится краткий сравнительный анализ с Европейским союзом. В заключение делается вывод о сущностной характеристике Большой Евразии как концепции междивизиационного оборонительного союза и ее аксиологическом фундаменте – альтернативности западному проекту.

Ключевые слова: Большая Евразия, международная интеграция, военно-политическая кооперация, локальные цивилизации, человеческая цивилизация, геополитика, кризис однополярного мира.

The article is dedicated to the exploring essential foundation of the idea of Greater Eurasia and tries to conceptualize it. It is revealed why political and economic researches of Greater Eurasia are inevitably tend to appeal to philosophical methodology. Historically gathering of huge territory follows one of the three ways: imperial, military or political union and integration. One of the key parts of the article focuses on dispelling the widespread opinion that Greater Eurasia is an integration project. For this purpose, the integration parameters are outlined and comparative analysis with the European union is performed. In the end author outlines the essence of Greater Eurasia as a project of intercivilization defense alliance axiologically confronting the Western civilization project.

Keywords: Greater Eurasia, international integration, political and military cooperation, local civilizations, human civilization, geopolitics, crisis of monopolar world.

Большая Евразия как объект исследования

Фактический переход межцивилизационного конфликта в Украине из латентного состояния в открытую фазу актуализировал необходимость осмысления возможных сценариев развития системы международных отношений, моделей глобального мироустройства и определения места России в этой системе. Одной из активно популяризируемых концепций в последние годы является Большая Евразия (Большое евразийское партнерство, БЕП).

Продвижение проекта составляет одно из центральных направлений официальной российской внешней политики, является выражением желания власти сформировать способы укрепления положения страны в системе международных отношений. В пределе это, конечно, означает, что Россия пытается найти альтернативу однополярному миропорядку, несомненно, представляющему угрозу ее национальному суверенитету. При этом возможности непрямого влияния на позиции других ведущих мировых держав у России крайне ограничены в силу небольшого размера ее экономики (3% в мировом ВВП) [27, с. 16].

Это обстоятельство приводит к тому, что наша страна вынуждена играть непосредственно на политическом поле, периодически генерируя идеи широкомасштабных мегапроектов (Таможенный союз, Большая Европа, Большая Евразия). И если интеграция на историческом, постсоветском, пространстве, хотя ограниченно и с известными проблемами, но все-таки происходит в формате Евразийского экономического союза (ЕАЭС), то идея «интеграции интеграций» от Лиссабона до Владивостока канула в Лету, не найдя сколь-нибудь серьезной поддержки у основной своей целевой аудитории – в странах Европейского союза. Во многом именно это обусловило «поворот на Восток» и формулирование идеи Большой Евразии.

Можно констатировать, что научное сообщество весьма живо отреагировало на новую концепцию не только отдельными исследованиями, но созданием новых площадок и коллективов с целью изучения и обсуждения рассматриваемой проблематики. С целью обобщения результатов создано «Сообщество Большой Евразии», реализующее свою деятельность совместно с ИНИОН РАН, Евразийским сектором ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, РСМД, Институтом Евразийских Исследований и многими другими.

В чем же заключается содержание ключевого понятия? Однозначный ответ дать невозможно, поскольку на данный момент консенсус-определение еще не выработано. Более того, масштаб исследовательской задачи для данного научного объекта настолько обширен, что многие авторы неминуемо прибегают к междисциплинарному подходу. Так, и политологические [2; 4; 15; 17; 18; 20; 24], и экономические [3; 7; 9; 10; 21; 27] исследования зачастую вынуждены обращаться к философскому инструментарию в первую очередь для картирования аксиологической сущности проекта, которая и составляет, по всей видимости, наибольшую ценность всей концепции.

Формулирование концепта, способного реализовать проективную функцию научного знания, требует кодификации сложного многомерного представления, затрагивающего все сферы жизни общества. Для решения такой объемной задачи философский инструментарий представляется наиболее подходящим. Более точно о социально-конструктивистских возможностях философии пишет В.Н. Шевченко: «Философия как целостная система создает свое идеальное царство мысли – и потому содержит не только рациональное, но и утопическое начало. Утопизм в смысле обозначения предельных границ новых духовных устремлений конкретной цивилизации в конкретную культурно-историческую эпоху. Большой цивилизационный проект вырастает из философской утопии» [35, с. 73].

Во многих работах Большая Евразия рассматривается как некая альтернатива однополярному миропорядку [30] или, по крайней мере, фундамент глобальных социокультурных трансформаций [38], что коррелирует с идеями развития России как самостоятельной цивилизации. К созданию Большой Евразии Россию подталкивают как внешние, так и внутренние факторы. Внешние главным образом сводятся к вопросам безопасности, если не выживания, страны: с одной стороны, Россия находится на острие противостояния с Западом, а с другой сталкивается с наращиванием влияния Китая в приграничных государствах. Не меньшее значение имеют внутренние факторы – кризис самоидентификации, технологическая отсталость и нереализованный пассионарный заряд (великодержавность). Для России становится практически неизбежным рождение «панидеи», которую Ю.Д. Гранин характеризует как «дискурсивно оформленное и ценностно значимое представление о центральном (вселенском) положении “своей” цивилизации на карте ментальной географии» [11, с. 87].

В качестве рамочного определения обратимся к характеристике, данной одним из ведущих апологетов идеи С.А. Карагановым. Он говорит о Большой Евразии как о «концепции континентальной системы межгосударственных отношений в Евразии, основанных на доверии и всеобщем стремлении к безопасности... концептуальной рамке для нацеленной в будущее геостратегической и геоэкономической самоидентификации России как Центра и Севера поднимающегося континента... движении к новой геостратегической общности – общеевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности, призванному преодолеть оставшиеся от холодной войны расколы, предотвращать появление новых, регулировать разногласия и трения между участниками партнерства» [15, с. 11].

Существуют подходы, рассматривающие Большую Евразию «с другой стороны» – не как проект или концепцию, а как закономерный итог развития международных отношений – «региональное международное сообщество, формирующееся естественным путем вследствие сложения трех ак-

тивно реализуемых тенденций: поворот России на Восток, поворот Китая на Запад, а также создание Евразийского экономического союза и его постепенное вплетение в ткань экономических и интеграционных отношений в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии» [32, с. 20].

Приведенные определения даны лишь для контраста, в то время как в литературе используется значительно более широкая палитра различных вариантов концептуализации. Столь принципиально разные подходы к определению центральной категории с очевидностью приводят к различиям даже в географической трактовке Большой Евразии. Так, например, в одних источниках встречается мнение, что это пространство включает в себя «48 стран Европы, 50 – Азии и 7 – Северной Африки, охватывающие восемь из двенадцати локальных цивилизаций и девять цивилизационных объединений» [2, с. 8], в других же сопряжение Экономического Пояса Шелкового Пути (далее – ЭПШП) и Евразийского экономического союза (мегапроектов Китая и России), «интеграция интеграций» представляется неким «ядром» будущего объединения, открытого для других участников [3; 20].

Как видим, представленные описания носят весьма общий характер, и остается не вполне понятным, какие географические и геополитические реалии обусловили необходимость именно всеконтинентального обобщения, и где проходят границы новой потенциальной общности. Несмотря на то, что идея Большой Евразии изначально является весьма конкретным обращением российской власти к государствам Востока, призывом к практическому действию, фундаментальные культурно-цивилизационные основы геополитической трансформации на континенте остаются неопределенны, и выявление этих основ остается задачей философской: необходимо выяснить, на каких принципах возможно собрать воедино гетерогенные пространства – государства и цивилизации евразийского континента.

Человечеством придумано не так много форм связывания социального пространства на макроуровне (надгосударственном). Во-первых, это имперский способ, когда наиболее технологически развитое в данный исторический период государство выступает политическим и культурным аттрактором, вовлекая в орбиту своего влияния другие общности (государства, племена и т.п.). Притяжение может быть основано как на насильственных методах (завоевание, колонизация), так и на ненасильственных (добровольное присоединение более слабых акторов с целью обеспечения безопасности от третьих сил, получение прямых экономических выгод от сотрудничества с развитым центром или следование за консолидирующей, религиозной или политической, идеей).

Во-вторых, способ формирования военно-политических союзов (или конфедерации) равными по статусу субъектами международной жизни. В строгом смысле в данном случае новые общности не формируются, по-

скольку союзы не порождают новой идентичности. Тем не менее такие объединения способны оказывать весьма сильное влияние на ход исторического процесса.

В-третьих, способ интеграции – объединение равных субъектов (государств), подразумевающее добровольное и намеренное делегирование части суверенитета на наднациональный уровень для реализации специфических целей, достижение которых невозможно в одиночку. По историческим меркам этот способ является самым молодым, и его единственным подлинно успешным примером можно считать формирование Европейского союза, институциональный пик развития которого пришелся на начало 2000-х гг., когда была предпринята попытка принятия единой европейской конституции.

Вероятно ли формирование Большой Евразии одним из перечисленных способов? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть применимость каждого из них в данный момент к международным реалиям.

Начнем с имперского пути. По всей видимости, стратегия Китая в целом предполагает следование именно ему. Китай постоянно демонстрирует стремление к поиску совместных решений, выгодных для всех сторон, апеллирует к необходимости строго следовать системе международного права. Приведем слова лидера КНР Си Цзиньпина: «Ведущие мировые державы и постоянные члены Совбеза ООН Китай и Россия будут вместе с международным сообществом проявлять чувство долга, решительно защищать международную систему под эгидой ООН и на основе международного права, активно продвигать политическое урегулирование проблем «горячих точек», защищать многостороннюю торговую систему и вносить положительную энергию в чрезвычайно сложную международную обстановку, вносить новый вклад в построение единой судьбы человечества» [13].

Однако такая риторика в практическом смысле оказывается привычным для китайской власти прагматизмом. Проекты Экономического пояса Шелкового пути и Единой судьбы человечества являются ярким примером такой политики. Это идеи соразвития, но такого соразвития, где Пекин оставляет за собой роль архитектора. В.Ж. Келле в свое время отмечал, что «используемые цивилизацией средства и способы интеграции являются цивилизационными механизмами, стягивающими общество в единое целое, обеспечивающими определенный способ существования людей» [16, с. 37], и данное замечание как нельзя лучше характеризует китайские инициативы. Посредством их КНР определяет свою глобальную роль, формирует повестку для других государств, исходя из собственных стратегических установок и видения будущего [22]. В этой внешнеполитической деятельности в значительной мере раскрывается прагматическая специфика китайской цивилизации, ее собственный, оригинальный путь развития и все связанные с ним атрибуты (см. подробнее В.Г. Буров [6, с. 248]).

ЭПШП является именно механизмом реализации китайского пути, и поэтому как проект имеет столь нехарактерные для традиционных международных отношений черты. Так, если западная модель международных отношений предполагает, что сближение государств является следствием переговорного процесса, который институализируется и закрепляется в формах, например, зоны свободной торговли или международной организации с четко обозначенными целями, то инициатива КНР скорее заключается во включении во внутренние процессы других стран посредством реализации инфраструктурных проектов, масштабных инвестиций, создания особых условий кредитования.

Исходя из этого, одна из важных для РФ задач в проекте Большой Евразии – гармонизация пространства за счет коллективных механизмов. «Менее очевидная, но тоже крайне важная цель – создание вокруг Китая и с его лидирующим участием сети институтов связей, балансов, которые частично компенсировали бы и «погрузили» бы его мощь. Если такой сети создано не будет, а Китай будет расширять свое влияние в рамках своей тысячелетней традиции «срединного царства», *это неизбежно будет вызывать противодействие великих стран и цивилизаций, окружающих его с запада и севера*» [15, с. 13]. Такое развитие событий означало бы угрозу суверенитету других государств континента, провоцирование новых противоречий.

Более подробно останавливаться на сценарии китайского варианта реализации имперского пути мы не будем, поскольку, во-первых, это обширная тема, достойная как минимум отдельной статьи, во-вторых, этот сценарий принципиально не устраивает Россию, заставляя отказаться от собственной пассионарности и примерить на себя роль второго плана, занять позицию ведомого. Даже после крушения СССР Россия не стала отказываться от своего великодержавного статуса, не намерена она сделать это и теперь, поэтому первая ласточка на поле практической реализации Большой Евразии – совместное заявление о сопряжении Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза является симметричным шагом по критерию субъектности – обе стороны апеллируют к наднациональным институтам, да и весь теоретический конструкт Большой Евразии приемлем для России только как объединение равных.

Можно ли считать Большую Евразию интеграционным проектом?

Возможно ли объединение столь мозаичного во всех отношениях пространства, как пространство Евразии? Реально ли извлечь уроки из опыта построения Единой Европы? Обращение к европейскому опыту выглядит естественным, поскольку является, вероятно, единственным историческим

примером ненасильственного политического и экономического объединения национальных государств на основе равноправия¹.

Первое, на что стоит обратить внимание, так это то, что Европа в своем историческом развитии переживала как периоды раздробленности, так и периоды единства. На протяжении веков Европа пересобиралась в различных политических конфигурациях, причем периоды жизнедеятельности больших государств были весьма значительны: это и Римская империя, и империя Каролингов, и Священная Римская империя. Общая история была неизменным аргументом идеологов единой Европы.

Возможно ли говорить о существовании аналогичных исторических общностей и тенденций на пространстве Евразии? Некоторые сторонники идеи отвечают на этот вопрос положительно. Так, например, заведующий Евразийским сектором Центра комплексных европейских и международных исследований Высшей школы экономики Ю. Кофнер в исследовании, посвященном Большой Евразии, заявляет о необходимости трактовки ключевого понятия в двух смыслах – широком (*Eurasia in sensu latiore*) и узком (*Eurasia in sensu stricto*). В узком смысле, по мнению автора, Евразию должно воспринимать как отдельный субрегион, и таким образом оказывается, что «Евразия исторически была объединена уже пять раз: 1. Скифская общность (VIII–II вв. до н.э.); 2. Тюркские каганаты (V–VIII вв.); 3. Монгольская империя (XII–XV вв.); 4. Российская империя (XVI–XX вв.); 5. Советский Союз (XX в.)» [18].

Можно утверждать, что влияние этих образований, например на российскую цивилизацию, довольно значительно, и в качестве доказательства сослаться на работы классических евразийцев или Л.Н. Гумилева. Можно также рассуждать о значении тенгрианской цивилизации в истории тюркских народов и формировании облика современной Центральной Азии [1]. Но искать в этих империях «всеевразийскую» основу было бы наивно.

В отличие от Европы, где период «общежития» благотворно повлиял на складывание цивилизационной общности с ее главным связующим элементом – христианством, Большая Евразия подобного опыта не имеет. Даже монгольская империя, сумевшая подчинить себе территорию Китая, не только не смогла предложить объединяющей культурно-цивилизационной модели, но, по всей видимости, проиграла цивилизационное противостояние. Об этом ярко свидетельствует судьба и внутреннее устройство Империи Юань, которое соотносится с китайскими традициями не в меньшей степени, чем с монгольскими [25].

---

¹Оговоримся, что модель принятия решений остается несовершенной, но европейцы приложили много усилий, чтобы сделать ее более справедливой. Например, при принятии решений Советом ЕС учитывается как собственно количество представителей, голосующих «за», так и численность населения, которое они представляют.

Общее прошлое для перспектив сближения государств представляется важным не только с точки зрения включенности в одну цивилизацию. Большое влияние имеет направление мысли политической и интеллектуальной элиты. Так, созданию после Второй мировой войны Европейского объединения угля и стали предшествовала деятельность Панъевропейского союза, имевшая глубокую идейную основу. Идея единой Европы как целостного культурного пространства существовала несколько столетий, постепенно выкристаллизовываясь в таких трудах как, например, «Проект вечного мира в Европе» Ш. Сен-Пьера, «Соединенные Штаты Европы» В. Гюго, «Пан-Европа» Р. Куденхове-Калерги [37]. Таким образом, можно констатировать, что европейским элитам потребовалось несколько веков для преодоления национальных противоречий и создания надгосударственного политического и экономического объединения, имеющего тем не менее широкий ряд ограничений, определенных сохранением части суверенитета стран-членов.

Однако идеи и проекты так и оставались бы красивыми теориями, если бы отцы евроинтеграции К. Аденауэр, А. Бриан, А. Де Гаспери, Ж. Монне, Р. Шуман и другие политические деятели той эпохи не опирались бы на взаимный экономический интерес. Проблема национального интереса, о которой еще в середине XIX столетия говорил М.А. Бакунин как о главном препятствии к созданию Соединенных Штатов Европы, так и не была преодолена, и поэтому формирование Сообщества угля и стали преподносилось как выгодный для всех стран-участниц способ экономической кооперации. Уже в 50-е гг. XX в. значительная доля торгового оборота европейских государств приходилась на взаимную торговлю, и по мере развития интеграции этот показатель демонстрировал стабильный рост, составив к настоящему моменту порядка 65% [41].

Несомненно, успехи развития экономики стали важным драйвером европейской интеграции, стимулируя страны к участию в небывалой до сих пор международной конфигурации. Но, возможно, еще более важной причиной для объединения государств послевоенной Европы был вопрос безопасности. Причем вопрос этот существовал сразу в двух плоскостях. С одной стороны, народы Европы, испытав на себе ужасы двух мировых войн, искали пути предотвращения военных действий в будущем, а установление взаимозависимости оказалось лучшим средством достижения этой цели. С другой стороны, восхождение двух супердержав – СССР и США – и становление биполярного миропорядка вынуждало правительства европейских стран искать пути организации коллективной безопасности. При чем речь идет не только о военной безопасности, но и идеологической – образ внешнего врага в образе социалистического лагеря стал еще одним сильнейшим фактором сближения европейских стран и осознания цивилизационной и политической близости.

Таким образом, накануне запуска первых интеграционных структур народы Европы уже были связаны многовековой общей историей, были частью одной локальной цивилизации, имея средний (региональный, европейский) уровень идентичности [29, с. 125], их экономические связи были достаточно развитыми, уровень взаимной торговли – высоким, идея общей европейской семьи была глубоко обоснована видными интеллектуалами и политическими деятелями. Но, несмотря на все это, для создания наднациональных политических институтов потребовалось значительное время, опыт фундаментальных социальных потрясений и наличие перманентной внешней угрозы. Лишь такая сложная комбинация разноаспектных факторов и колоссальная политическая воля государственных деятелей смогли обеспечить интеграционные успехи Европейского союза, которые мы наблюдаем сейчас.

Какие же объединяющие предпосылки характерны для Большой Евразии? Должно отметить, что количество исследований перспективности концепции, выполненных экономистами, довольно значительно. Однако, как уже отмечалось выше, таким трудам свойственны отход непосредственно от методологий экономики и рассмотрение проблематики с позиций или геополитики, или философии. В качестве примера обратимся к статье ректора СПбГЭУ И.А. Максимцева и профессора Н.М. Межевича, докторов экономических наук, «Экономическая интеграция в Большой Евразии: возможности и вызовы» [21]. На наш взгляд, данная работа является характерной для целого класса исследований Большой Евразии экономистами.

Кратко обратимся к тезисам, выделенным в данной статье. «1) Государства Большой Евразии продолжают формировать собственные модели экономического развития. 2) «Постамериканский мир» появится не по причине упадка Соединенных Штатов, а в результате «подъема остальных». 3) «Разворачивается борьба между двумя моделями развития – либерально-демократическим капитализмом традиционного Запада и «авторитарным капитализмом». 4) Дискуссия о демократии получает новый стимул. 5) Поиск США новой идеологии, адекватной реалиям XXI в., не привел к возврату к практикам изоляционизма, но продемонстрировал отказ от лидерства в глобализации. 6) Институциональный подход – не единственный, но возможный и целесообразный для анализа интеграционных процессов. Возможно создание неформальных институтов (Группа двадцати, БРИКС, Пояс и Путь). 7) Прошедшие десятилетия позволяют нам говорить о накоплении определенного опыта интеграции. 8) Второе десятилетие XXI в. ознаменовалось удивительной попыткой не торговать и не воевать одновременно. 9) Свой ресурс неправильных решений мы исчерпали, нуллификацию европейского опыта учли – переходим к прорывному опыту правильных решений от Бреста до Малаккского пролива» [Там же, с. 7–10].

Можно констатировать, что авторы вынуждены уходить от конкретной измеряемой торговой и экономической повестки, поскольку не находят в ней обоснования концепции Большой Евразии, и, следовательно, прибегают к широким обобщениям наподобие вышеперечисленных. Данные тезисы представляют собой попытку обосновать грядущие изменения мирового порядка, причем Большая Евразия – это только один, желательный, из всех возможных вариантов. Анализ литературы позволяет утверждать, что похожие идеи переходят из одной работы в другую.

Однако есть и ряд других популярных идей. Например, множество работ было посвящено сопряжению Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Бурное внимание исследователей было спровоцировано декларацией [13], сделанной на высшем политическом уровне в 2019 г., однако в отсутствие шагов по практической реализации интерес к данной постановке вопроса к настоящему моменту снизился. Также в литературе достаточно часто можно встретить институциональный анализ практики присоединения отдельных государств к Зоне свободной торговли ЕАЭС, реализованной за время его существования. Внимание уделяется подписанием и потенциальным преференциальным торговым соглашениям и изъятиям, теоретическим возможностям сотрудничества в блоковом формате – между странами ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и, как ни странно, БРИКС [23]. Обосновываются необходимость формирования технологических альянсов, возможность энергетического сотрудничества, проблема экологической и демографической безопасности – часто опять-таки на уровне рассуждений.

Среди более практико-ориентированных аспектов следует особо выделить анализ проектов в сфере логистики и инфраструктуры. Развитие транспортной системы, помимо сокращения времени доставки (по сравнению с морским путем), должно обеспечить большую вовлеченность континентальных государств в международную торговлю, что должно позитивно сказаться на общем экономическом развитии. Пожалуй, наиболее значимый из таких проектов на сегодняшний день – это коридор «Север – Юг». Последнему даже посвящен доклад Евразийского банка развития (ЕАБР) [9]. Эта организация в своих многочисленных исследованиях интеграции использует в основном эконометрическую методологию, что, видимо, и обусловило практически полное отсутствие публикаций по теме Большой Евразии – эта концепция на данный момент настолько аморфна, что представляется крайне проблематичным выделить необходимый набор показателей для исследования.

Действительно, аналитические работы, опирающиеся на большое количество эмпирических данных, использующие статистические показатели и метрики, представляющие результаты расчетов потенциальной выгоды от эффекта конвергенции, столь характерные для интеграционных исследований, встречаются крайне редко. Среди таких работ, кроме уже упомянуто-

го доклада ЕАБР, следует выделить работы Л.Б. Вардомского [7; 8], С.Ю. Глазьева [10], отдельные разделы монографии «Большое евразийское партнерство: прошлое, настоящее, будущее» по материалам докладчиков Евразийского научного форума [4]. Таким образом, характер исследований свидетельствует, что объективная экономическая основа для сиюминутного интеграционного сближения остается незначительной.

Не менее сложная ситуация сложилась в идейном плане – возникновение проекта Большой Евразии связано с вынужденным «поворотом России на Восток» и неудачей в реализации проекта Большой Европы. Говорить ни о какой преимущества не приходится. Кстати, отметим, что с точки зрения цивилизационного подхода эта неудача является весьма закономерной. «Европейская интеграция не противоречит евразийской. Но европейская локальная цивилизация выбрала курс на конфронтацию с другими локальными цивилизациями» [12, с. 265] – отмечает известный политолог А.И. Подберезкин. Романо-германский мир оказывается не способен к выстраиванию равноправного диалога с другими культурами – современным свидетельством тому является не только практически полное игнорирование предложений России по сопряжению интеграционных проектов ЕС и ЕАЭС, формированию единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, но и полувековой бойкот заявки Турции на вхождение в европейскую семью.

Обе идеи (Большой Европы и Большой Евразии) основаны на стремлении России повысить уровень включенности в международную повестку и тем самым поднять свой авторитет на мировой арене. Концепция нашла живой отклик в среде патриотически настроенных исследователей, однако идейное влияние на другие страны крайне ограничено. Сопряжение ЭПШП с ЕАЭС, если рассматривать его как поддержку проекта, – это лишь способ Китая продвигать свое влияние в Северной Евразии и Средней Азии. Большая Евразия как проект оказывается несоизмеримо меньше инициативы «Один пояс и один путь» – интересы Поднебесной носят глобальный характер и выходят за границы континента. Причем указанная инициатива уже на данный момент находит свою реализацию в виде многочисленных международных соглашений и в многомиллиардном китайском финансировании.

В довершении всего, концепция Большой Евразии подразумевает сближение государств и регионов с населением, не имеющим общих цивилизационных оснований. В основание концепции положен географический (научный) конструкт – Евразия, но в социальном смысле это именно конструкт, в то время как реальные географические условия (горы, реки, пустыни, огромные сухопутные расстояния, многообразие природных зон) никак не служат гомогенизации социального пространства и формированию общей идентичности, а, напротив, способствуют закреплению вариативности.

Таким образом, сравнение с европейским опытом оказывается неконгруэнтным: страны Большой Евразии не наследуют ни общей истории, ни длительной интеллектуальной традиции, предлагаемый проект не подразумевает культурную или цивилизационную общность, не имеет статистически значимого экономического обоснования.

Сущность и ценности Большой Евразии

В чем же заключается логика обращения именно к континентальному пространству? И почему реализация ценностей Большой Евразии, о которых говорилось в начале статьи, не может произойти, например, на основе БРИКС или, шире, в планетарном масштабе? Можно ли сказать, что принципы всеобщей безопасности, экономического сотрудничества, недискриминации, всеобщего развития и процветания возможно воплотить в жизнь исключительно на территории Евразии? Почему именно географический критерий оказывается важен?

Ответы на эти вопросы неизбежно отсылают нас к классикам геополитики. Большая Евразия – это концепция, которая направлена на придание географическому понятию политического наполнения. О различиях государств «суши» (теллурократических) и «моря» (талассократических) писали еще античные философы, однако осмысление глобальной роли континентального пространства Евразии произошло в XX в. Так, Х. Маккиндер оценивал Евразию как естественную крепость, богатую природными ресурсами и неприступную для морских держав. Английский геополитик придавал особое значение «осевому пространству» и «Хартленду» – срединным территориям Евразии, контроль над которыми определял глобальное могущество государства [42]. В дальнейшем эта идея «особой зоны» или «оси» Евразии, необходимой для контроля над миром, трансформируясь, находила выражения в трудах и других геополитиков («ось Берлин – Москва – Токио» К. Хаусхофера, «Римленд» Н. Спайкмена, «модель геостратегических и геополитических регионов» С. Коэна и др.), причем тема противостояния государств «суши» и «моря» оставалась одной из центральных [17].

Концепции Большой Евразии и концепция России как «осажденной крепости» (В.Н. Шевченко, [35; 36]) оказываются новейшими геополитическими концептами, сформированными в этой логике. Запад давно осознал и применяет тактику «разделяй и властвуй». Обладая колоссальными экономическими и интеллектуальными ресурсами, опытом гибридной войны, он непременно будет продолжать играть на цивилизационных и культурных противоречиях на всем пространстве континента, на всех доступных уровнях, будь то отношения между цивилизациями, блоками, странами или внутри государства.

Невозможно игнорировать тот факт, что стратегия США в отношении Украины была прописана и опубликована еще в конце XX в. в работе З. Бжезинского «Великая шахматная доска». Латентный конфликт, развивавшийся за счет формирования у украинцев европейской идентичности, постепенного снижения статуса русского языка, подогревания националистических настроений, пропаганды русофобии, перешел в открытую стадию. США же при этом выступают в привычном для себя амплуа – воюют на чужой территории, чужими руками, попутно зарабатывая на поставках вооружения. Европа, игнорируя естественные национальные и экономические интересы, идет в фарватере политики гегемона – страх «чужого» (а Россия никогда не воспринималась как часть европейской семьи), оказался сильнее прагматичных расчетов.

И в этом смысле концепция Большой Евразии оказывается необходимой не только для России. «Единственное, что действительно сближает Россию с ее главными партнерами в Евразии (Индией и Китаем), – утверждает Ю.Д. Гранин, – это их объективное ценностно-смысловое противостояние Западу в качестве особых «стран-цивилизаций», вынужденных осуществлять политику «догоняющего развития» без утраты своей цивилизационной идентичности» [11, с. 94]. Это попытка перевести дискурс из плоскости противостояния локальных цивилизаций в плоскость геополитического противостояния Западу. В.Н. Шевченко обосновывает необходимость преодоления изоляции России и весьма точно определяет желательное место в Большой Евразии: «“Осажденная крепость” вполне может стать форпостом с хорошим тыловым обеспечением» [36, с. 85].

Таким образом, исходя из заявленной в начале статьи классификации, Большую Евразию было бы неправильно характеризовать как интеграционное объединение или образование имперского типа, сущность проекта наиболее явно раскрывается в словосочетании «оборонительный союз». Важно отдавать себе отчет, что семантика слова «оборонительный» давно уже не ограничивается военной составляющей, но включает в себя вопросы идеологической, экономической и цивилизационной безопасности. Этим и определяется глубинная миссия Большой Евразии – она заключается в формировании более справедливого миропорядка, устранении системы двойных стандартов, ликвидации неокOLONIALИЗМА. Эта миссия имеет вовсе не региональный, а общечеловеческий, глобальный масштаб. «Идеи и принципы, заложенные в евразийские проекты, далеко не исчерпываются границами Евразии. Россия и Китай стремятся не повторить ошибок США, навязавших в рамках НАТО политику конфронтации, гонки вооружений и «охоты на ведьм», и ЕС, чьи авторитарные директивы противоречат интересам государств-членов», – отмечает В.Н. Лексин [19, с. 198].

Военное доминирование Запада уходит в прошлое, поэтому вопрос формирования более справедливого миропорядка – вопрос аксиологический, вопрос, который стоит перед каждой цивилизацией и перед каждым государством. Большая Евразия – это вариант ответа на такой вопрос. Авторы коллективной монографии «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития» утверждают, что Большая Евразия могла бы стать «потенциальным коллективным субъектом международных отношений нового типа, в основу которых положено равноправие, уважение политического суверенитета и культурной самобытности стран. Многие исследователи видят в этом начало формирования нового незападного типа глобального порядка, где лидерами становятся народы Востока, избавившиеся от роли пассивных объектов мировой политики и играющие по иным политическим, экономическим и культурным правилам. По сути, в этом новом понятии имплицитно зафиксирован исключительно важный смысл: западный проект глобализации оказался несостоятельным» [34, с. 12–13]. Следуя этой логике, Большая Евразия должна вывести незападный мир из состояния «варварства», но не приспособлением к «цивилизации Запада», а самим фактом признания равенства культур и низведением западной цивилизации с позиции универсальной до позиции «одной из».

Учитывая вышеизложенное, неудивительно активное и растущее противодействие «коллективного Запада» идеям Большой Евразии в любом их варианте. Появление альтернативной силы подорвало бы возможности гегемона в перекраивании мирового политического ландшафта (Ирак, Косово, Сирия, Ливия) и означало бы угрозу всей неокOLONIALной системе. В настоящий момент страны «золотого миллиарда» продолжают продвигать свою повестку через систему институтов Организации объединенных наций вопреки принципам справедливости. В результате система ООН на протяжении последних двух десятилетий постоянно подвергается активной критике [14; 39; 40]. «В сложившихся новых условиях нормы, регулирующие международные отношения, оказались неспособными обеспечить безопасность и стабильность. В политике назрела необходимость создания новых инструментов противодействия угрозам» – констатирует профессор Ю.В. Синчук [28, с. 142].

Международная система устарела, человечество ищет пути выхода из кризиса однополярного мира, и мультицивилизационное объединение по проекту Большой Евразии может стать основой для глобальных трансформаций и формирования новой системы. Однако есть весомое но – уроки истории. На протяжении всей активной международной жизни человечества смена мирового порядка всегда была последствием большой войны: Вестфальский мир был заключен по итогам Тридцатилетней войны, Венский –

после победы над Наполеоном, Лига наций (Версальско-Вашингтонская система) сформирована в результате Первой мировой войны, Организация объединенных наций (Ялтинско-Потсдамская система) – Второй мировой.

Можно предположить, что переход человечества на новый виток своего развития возможен только как результат глобальной катастрофы. Если Большая Евразия будет формироваться как антагонист существующему миропорядку, Запад приложит все усилия, чтобы этого не допустить, не исключая развязывания Третьей мировой войны, которая и сейчас уже идет в гибридной форме. В этой ситуации перед каждым участником международных отношений будет стоять вопрос: допустить ли катастрофу или смириться с нынешним порядком? Руководство Российской Федерации уже артикулировало свою позицию устами президента, прокомментировавшего вопрос о возможности ответного применения ядерного оружия: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?» – сказал он [26].

В послесловии заметим, что на сегодняшний день Большая Евразия – это лишь надежда на соби́рание человеческих общностей в попытке противостоять глобальным угрозам. Контуры возможного сотрудничества только намечены пунктирными линиями. Поэтому в заключение приведем цитату профессора Института системного анализа РАН В.Н. Лексина, которую мы полностью разделяем: «Сложившийся миропорядок при бесспорной турбулентности общественно-политических, экономических и социальных отношений трансформируется весьма динамично. Последствия этих перемен неоднозначны, и не исключено глобальное осознание неизбежности иных консолидирующих начал, в том числе предлагаемых в проекте “Большая Евразия”» [19, с. 199].

Грачев Богдан Валерьевич – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Bogdan V. Grachev – Ph.D. in Political sciences, Research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

bogdangrachev@gmail.com

Список литературы

1. Абаев Н.В., Аюпов Н.Г. Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Абакан: Лаб. «кочевых» цивилизаций ТывГУ, 2009. 250 с.
2. Большая Евразия – 2030: Аналитика развития, безопасности и сотрудничества / Под общ. ред. А.И. Агеева. М.: Когито-Центр, 2017. 96 с.

3. «Большая Евразия» – «Пояс и Путь». Сопряжение позитивных мифологий общеевразийского пространства / С.В. Базавлук [и др.] // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677). С. 33–46.
4. Большое евразийское партнерство: прошлое, настоящее, будущее: избранные труды X Евразийского научного форума: коллективная монография. СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2018. Т. 1. 424 с.; Т. 2. 440 с.
5. Бояркина А.В., Печерица В.Ф. Традиционные идеи Поднебесной во взаимосвязи с концепцией Си Цзиньпина «Сообщества единой судьбы человечества» // Трансграничная экономика. 2019. URL: <http://www.crossbordereconomy.ru/5.html> (дата обращения: 20.01.2023).
6. Буров В.Г. Размышления о российской цивилизации // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 241–251. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-1-241-251. URL: <https://civstudies.ru/article/view/6222> (дата обращения: 20.01.2023).
7. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция и Большое евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. 2019. № III (XLIV). С. 9–26.
8. Вардомский Л.Б. Между Европой и Азией: о некоторых региональных особенностях участия России в формирующейся Большой Евразии // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. С. 144–166.
9. Винокуров Е. и др. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: создание транспортного каркаса Евразии. Доклад 21/5. Алматы: М.: Евразийский банк развития, 2021. 124 с.
10. Глазьев С.Ю. Большое евразийское партнерство: созидая новый мир // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 18–20.
11. Гранин Ю.Д. Россия и альянсы Евразии. Поворот на Восток перед лицом вызовов Запада // Свободная мысль. 2021. № 5. С. 91–104.
12. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберезкин [и др]. М.: Международные отношения, 2017. 357 с.
13. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/60672> (дата обращения: 21.01.2023).
14. Злоказова Н.Е. Реформа Совета Безопасности ООН: основные сценарии и проблемы // Вестник Всероссийской государственной налоговой академии. 2008. № 2. С. 1–13.
15. Караганов С.А. Россия – возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Кодекс, 2019. С. 9–15.
16. Келле В.Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1 (2). С. 356–374.
17. Кефели И.Ф. Евразийский вектор глобальной геополитики / И.Ф. Кефели, Д.И. Кузнецов. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2018. 277 с.
18. Кофнер Ю. География и геополитика Большой Евразии. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/geografiya-i-geopolitika-bolshoy-evrazii/> (дата обращения: 21.01.2023).
19. Лексин В.Н. Проект «Большая Евразия» и проблемы устойчивости сложившегося миропорядка // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5–1. С. 196–200.
20. Лойко А.И. Евразия: центры притяжения, комплементарные практики и методология интеграции интеграций // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1–1. С. 233–235.
21. Максимцев И.А., Межевич Н.М. Экономическая интеграция в Большой Евразии: возможности и вызовы // Известия СПбГЭУ. 2018. № 3 (111). С. 7–10.

22. Небренчин А.С., Небренчин С.М. КНР – сверхдержава XXI в.: российско-китайские перспективы / Центр стратегических оценок и прогнозов. М.: АНО ЦСОиП, 2017. 116 с.
23. Никишина В. Будущее Большой Евразии и развитие торговой политики ЕАЭС // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/budushheebolshoj-evrazii-i-razvitie-torgovoj-politiki-eaes/> (дата обращения: 21.01.2023).
24. Песцов С.К. Большая Евразия: что скрывает фасад вдохновляющей идеи // Россия и АТР. 2018. № 1 (99). С. 8–28.
25. Почакаев Р.Ю. Право империи Юань: дуализм источников и проблема «Национальной принадлежности» // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 103–118.
26. Путин: «Зачем нам мир, в котором не будет России?». Видео. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jmMGqZo7sig> (дата обращения: 21.01.2023).
27. Россия и мир: 2021. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 154 с.
28. Синчук Ю.В. Усилия Российской Федерации по реализации глобального проекта в целях сохранения мира // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1–1. С. 140–143.
29. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
30. Соколова Р.И. Глобальная неопределенность мира: риски и шансы для Евразии (цивилизационный аспект) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 156–160.
31. Соколова Р.И. Необходимость преодоления философско-методологических и ценностных разногласий как условие консолидации научного сообщества // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. Вып. 17. Ч. 1. С. 867–872.
32. Суслов Д.В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Кодекс, 2019. С. 16–53.
33. Труды Евразийского научного форума: сборник научных статей из материалов XIII Евразийского научного форума. СПб., 18–19 ноября 2021 г. / Общ. науч. ред. М.Ю. Спириной. СПб.: Университет при МПА ЕвразЭС, 2021. Ч. 1. 304 с.; Ч. 2. 286 с.
34. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / Под ред. А.В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.
35. Шевченко В.Н. Россия в условиях перехода человечества к многоцивилизационному миру // Вестник РФО. № 3–4 (93–94). С. 68–82.
36. Шевченко В.Н. Особенности цивилизационного развития России в контексте противостояния с Западом. Феномен русофобии // Личность. Культура. Общество. 2022. Т. 24. № 2. С. 70–88.
37. Юмашев Ю.М. Европейская идея и ее развитие от «Христианской республики» до европейского союза // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 3. С. 5–46.
38. Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений: Научный доклад. М.: МИСК, 2017. 64 с.
39. Gardiner N. The Decline and Fall of the United Nations: Why the U.N. has Failed and How it Needs to be Reformed // Macalester International. 2017. Vol. 19. Art. 9. Pp. 35–60. URL: <http://digitalcommons.macalester.edu/macintl/vol19/iss1/9> (access date: 21.09.2022).
40. Martin D. The United Nations in Crisis: Geo-Political and Geo-Economic Challenges. 2022. URL: <https://www.e-ir.info/2022/03/02/the-united-nations-in-crisis-geo-political-and-geo-economic-challenges/> (access date: 21.09.2022).
41. Share of trade with the EU27 // Eurostat. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tet00037&plugin=1> (access date: 21.09.2022).

42. Singh A. Brzezinski and Mackinder theories: Role and influence on the political construction of Eurasia. Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations, 2020. Vol. 13. Iss. 4. Pp. 527–535. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.407> (access date: 21.09.2022).

References

1. Abayev N.V., Ayupov N.G. Tengrianskaya tsivilizatsiya v dukhovno-kulturnom i geopoliticheskom prostranstve Tsentralnoy Azii. Abakan: Lab. «kochevykh» tsivilizatsiy TyvGU, 2009. 250 s.
2. Bolshaya Yevraziya – 2030: Analitika razvitiya, bezopasnosti i sotrudnichestva / Pod obshch. red. A.I. Ageyeva. M.: Kogito-Tsentr, 2017. 96 s.
3. «Bolshaya Yevraziya» – «Poyas i Put». Sopryazheniye pozitivnykh mifologiy obshcheyevraziyskogo prostranstva / S.V. Bazavluk [i dr.] // Svobodnaya mysl. 2019. № 5 (1677). S. 33–46.
4. Bolshoye yevraziyskoye partnyorstvo: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: izbrannyye trudy X Yevraziyskogo nauchnogo foruma: kollektivnaya monografiya. SPb.: Universitet pri MPA YevrAzES, 2018. T. 1. 424 s.; T. 2. 440 s.
5. Boyarkina A.V., Pecheritsa V.F. Traditsionnye idei Podnebesnoy vo vzaimosvyazi s kontseptsiyey Si Tszinpinga «Soobshchestva yedinoy sudby chelovechestva» // Transgranichnaya ekonomika. 2019. URL: <http://www.crossbordereconomy.ru/5.html> (access date: 20.01.2023).
6. Burov V.G. Razmyshleniya o rossiyskoy tsivilizatsii // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya. 2021. T. 3. № 1. S. 241–251. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-1-241-251. URL: <https://civstudies.ru/article/view/6222> (access date: 20.01.2023).
7. Vardomsky L.B. Yevraziyskaya integratsiya i Bolshoye yevraziyskoye partnerstvo // Rossiya i novye gosudarstva Yevrazii. 2019. № III (XLIV). S. 9–26.
8. Vardomsky L.B. Mezhdru Yevropoy i Aziyey: o nekotorykh regionalnykh osobennostyakh uchastiya Rossii v formiruyushcheyasya Bolshoy Yevrazii // Voprosy geografii. Sb. 148. Rossiya v formiruyushcheyasya Bolshoy Yevrazii. S. 144–166.
9. Vinokurov E. i dr. Mezhdunarodnyy transportnyy koridor «Sever – Yug»: sozdaniye transportnogo karkasa Yevrazii. Doklad 21/5. Almaty: M.: Yevraziyskiy bank razvitiya. 2021. 124 s.
10. Glazyev S.Yu. Bolshoye yevraziyskoye partnerstvo: sozidaya novyy mir // Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2019. № 1. S. 18–20.
11. Granin Yu.D. Rossiya i alyansy Yevrazii. Povорот na Vostok pered litsom vyzovov Zapada // Svobodnaya mysl. 2021. № 5. S. 91–104.
12. Dolgosrochnoye prognozirovaniye razvitiya otnosheniy mezhdru lokalnymi tsivilizatsiyami v Yevrazii: monografiya / A.I. Podberezkin [i dr.]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2017. 357 s.
13. Zayavleniya dlya pressy po itogam rossiysko-kitayskikh peregovorov. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/60672> (access date: 21.01.2023).
14. Zlokazova N.E. Reforma Soveta Bezopasnosti OON: osnovnyye stsenarii i problemy // Vestnik Vserossiyskoy gosudarstvennoy nalogovoy akademii. 2008. № 2. S. 1–13.
15. Karaganov S.A. Rossiya – vozvrashcheniye domoy (vmesto predisloviya) // Voprosy geografii. Sb. 148. Rossiya v formiruyushcheyasya Bolshoy Yevrazii. M.: Kodeks, 2019. S. 9–15.
16. Kelle V.Zh. Tsivilizatsionnyy podkhod i problemy formirovaniya teorii istoricheskogo protsessa // Voprosy sotsialnoy teorii. 2008. T. II. Vyp. 1 (2). S. 356–374.
17. Kefeli I.F. Yevraziyskiy vektor globalnoy geopolitiki / I.F. Kefeli, D.I. Kuznetsov. SPb.: Izd-vo Politekh. un-ta, 2018. 277 s.

18. Kofner Yu. Geografiya i geopolitika Bolshoy Yevrazii. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/geografiya-i-geopolitika-bolshoy-evrazii/> (access date: 21.01.2023).
19. Laksin V.N. Projekt «Bolshaya Yevraziya» i problemy ustoychivosti slozhivshegosya miroporoyadka // Bolshaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost, sotrudnichestvo. 2022. № 5–1. S. 196–200.
20. Loyko A.I. Yevraziya: tsentry prityazheniya, komplementarnye praktiki i metodologiya integratsii integratsiy // Bolshaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost, sotrudnichestvo. 2018. № 1–1. S. 233–235.
21. Maksimtsev I.A., Mezhevich N.M. Ekonomicheskaya integratsiya v Bolshoy Yevrazii: vozmozhnosti i vyzovy // Izvestiya SPbGEU. 2018. № 3 (111). S. 7–10.
22. Nebrenchin A.S., Nebrenchin S.M. KNR – sverkhderzhava XXI veka: rossiysko-kitayskiye perspektivy / Tsentralnaya strategicheskikh otsenok i prognozov. M.: ANO TSSOIP, 2017. 116 s.
23. Nikishina V. Budushcheye Bolshoy Yevrazii i razvitiye torgovoy politiki YeAES // Rossiya v globalnoy politike. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/budushchee-bolshoy-evrazii-i-razvitiye-torgovoy-politiki-eaes/> (access date: 21.01.2023).
24. Pestsov S.K. Bolshaya Yevraziya: chto skryvayet fasad vdokhnovlyayushchey idei // Rossiya i ATR. 2018. № 1 (99). S. 8–28.
25. Pohekayev R.Yu. Pravo imperii Yuan: dualizm istochnikov i problema «Natsionalnoy prinadlezhnosti» // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye. 2014. № 1. S. 103–118.
26. Putin: «Zachem nam mir, v kotorom ne budet Rossii?». Video. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jmMGqZo7sig> (access date: 21.01.2023).
27. Rossiya i mir: 2021. Ekonomika i vneshnyaya politika. Yezhegodnyy prognoz / Rukovodstvo A.A. Dynkin, V.G. Baranovsky. M.: IMEMO RAN, 2020. 154 s.
28. Sinchuk Yu.V. Usiliya Rossiyskoy Federatsii po realizatsii globalnogo proyekta v tselyakh sokhraneniya mira // Bolshaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost, sotrudnichestvo. 2018. № 1–1. S. 140–143.
29. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoye vs. obshchechelovecheskoye. M.: OOO «Sadra»: Izdatelsky Dom YASK, 2019. 216 s.
30. Sokolova R.I. Globalnaya neopredelennost mira: riski i shansy dlya Yevrazii (tsivilizatsionnyy aspekt) // Bolshaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost, sotrudnichestvo. 2021. № 4–1. S. 156–160.
31. Sokolova R.I. Neobkhodimost preodoleniya filosofsko-metodologicheskikh i tsennostnykh raznoglasiy kak usloviye konsolidatsii nauchnogo soobshchestva // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. 2022. Vyp. 17. Ch. 1. S. 867–872.
32. Suslov D.V., Pyatachkova A.S. Bolshaya Yevraziya: kontseptualizatsiya ponyatiya i mesto vo vneshney politike Rossii // Voprosy geografii. Sb. 148. Rossiya v formiruyushchey Bolshoy Yevrazii. M.: Kodeks, 2019. S. 16–53.
33. Trudy Yevraziyskogo nauchnogo foruma: sbornik nauchnykh statey iz materialov XIII Yevraziyskogo nauchnogo foruma. SPb., 18–19 noyabrya 2021 goda / Obshch. nauch. red. M.Yu. Spirinoy. SPb.: Universitet pri MPA YevrAzES, 2021. Ch. 1. 304 s.; Ch. 2. 286 s.
34. Tsivilizatsionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitelskoy k dukhovno-ekologicheskoy strategii globalnogo i regionalnogo razvitiya / Pod red. A.V. Ivanova. Barnaul: Novy format, 2022. 368 s.
35. Shevchenko V.N. Rossiya v usloviyakh perekhoda chelovechestva k mnogo-tsivilizatsionnomu miru // Vestnik RFO. № 3–4 (93–94). S. 68–82.
36. Shevchenko V.N. Osobennosti tsivilizatsionnogo razvitiya Rossii v kontekste protivostoyaniya s Zapadom. Fenomen rusofobii // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. 2022. T. 24. № 2. S. 70–88.
37. Yumashev Yu.M. Yevropeyskaya ideya i yee razvitiye ot «Khristianskoy respubliki» do yevropeyskogo soyuza // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2015. № 3. S. 5–46.

38. Yakovets Yu.V., Rastvortsev E.E. Bolshaya Yevraziya: strategiya partnerstva tsivilizatsiy i obyedineniy: Nauchny doklad. M.: MISK, 2017. 64 s.
39. Gardiner N. The Decline and Fall of the United Nations: Why the U.N. has Failed and How it Needs to be Reformed // Macalester International. 2017. Vol. 19. Art. 9. Pp. 35–60. URL: <http://digitalcommons.macalester.edu/macintl/vol19/iss1/9> (access date: 21.09.2022).
40. Martin D. The United Nations in Crisis: Geo-Political and Geo-Economic Challenges. 2022. URL: <https://www.e-ir.info/2022/03/02/the-united-nations-in-crisis-geopolitical-and-geo-economic-challenges/> (access date: 21.09.2022).
41. Share of trade with the EU27 // Eurostat. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tet00037&plugin=1> (access date: 21.09.2022).
42. Singh A. Brzezinski and Mackinder theories: Role and influence on the political construction of Eurasia. Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations, 2020. Vol. 13, Iss. 4. Pp. 527–535. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.407> (access date: 21.09.2022).